

Не просто принимайте — радуйтесь!

Что такое полное принятие?

Само выражение «полное принятие» несет в себе нечто, похожее на тень непринятия. Полным принятие провозглашается потому, что люди живут в полном отвержении; что бы с ними ни происходило, они неизбежно находят в этом что-то неправильное.

Очень важно понимать, что все так называемые духовные качества — это просто компенсации. Люди жестоки — и мы создаем противовес, из которого возникает философия ненасилия. Умом жестокий человек может понимать, что жестокость — это неправильно. Он может даже пытаться быть ненасильственным, но его ненасилие будет нести в себе все ту же агрессию. Такое происходит не только с обычными людьми, но даже и с такими, как Махатма Ганди, который хоть и считался апостолом ненасилия, всю жизнь нес в себе глубоко укоренившееся насилие. Я приведу несколько примеров, чтобы вы смогли понять...

Махатма Ганди выступал против всего, что было создано с помощью техники, науки и человеческого разума после прядильного устройства — прялки. С момента появления прялки история для него остановилась. Сейчас никто не может до конца понять, в чем заключалось насилие. Но если бы

человечество остановилось в развитии после изобретения прялки, то почти одна десятая часть населения Земли погибла бы. Конечно, Ганди не выступал за гибель одной десятой части человечества, но такой вывод следует из его слов. А оставшиеся в живых люди страдали бы от голода, недостатка еды и крова. И все это прикрывается красивым словом — «ненасилие».

В жизни Махатма Ганди был настолько жестоким, что это трудно представить. Его старший сын Харидас хотел получить образование, но Ганди был против всего, что пришло с Запада. Это противоречиво; это не характерно для сострадательного человека. Человек, исполненный сострадания, исполненный любви, знает, что существует единый мир. Но Ганди был против, он сказал: «Если ты вздумаешь учиться, то больше меня не увидишь». Вы видите в этом ненасилие?

Он отказался от Харидаса. В Индии существует такая традиция: когда отец умирает, старший сын зажигает огонь в его погребальном костре. Харидасу это было запрещено. Ганди ясно сказал: «Живой или мертвый, я не имею ничего общего с Харидасом». А что он плохого сделал? — только лишь хотел получить образование...

У Ганди были фанатичные идеи, а фанатичные идеи не могут идти рядом с ненасилием. Каждый обязан был убирать туалеты... а когда я говорю «туалет», не думайте, что это западный туалет — индийские туалеты самые ужасные, самые грязные. Он заставлял свою жену участвовать в мытье туалетов в своем ашраме. Она не могла этого понять. Она отказывалась. Но Ганди говорил: «Если ты откажешься, то это не твой дом, а я не твой муж». Так поступает деспотичный, нелюбящий, жестокий человек, но не тот, кто любит.

Однажды на железнодорожной станции Харидас скрывался в толпе; Ганди проезжал мимо на поезде, и сын хотел хоть издали увидеть лицо отца, лицо матери — он не мог подойти близко. Но Ганди знал о том, что Харидас ожидает их

на следующей станции. Все окна и двери в купе были закрыты, и Ганди сказал своей рыдающей жене: «Прекрати плакать, этим ты показываешь, что ты не со мной, а с Харидасом!»

И что за преступление совершил Харидас? Он просто получил современное образование. И известно еще много случаев из жизни Ганди, когда он был крайне жесток, но ширма «ненасилия» скрывает все это.

Вы спрашиваете: «Что такое полное принятие?» Первое, что нужно запомнить: либо принятие является полным, либо это не является принятием. Фраза «полное принятие» говорит о том, что глубоко в своем подсознании вы что-то подавили, и, чтобы сдерживать это, вы используете всю свою силу.

Принятие должно быть простым.

Оно должно быть естественным, оно не должно основываться на какой-то идеологии. Оно должно опираться на ваше понимание. Тогда не будет вопроса о полном или неполном принятии.

Ясное понимание покажет вам, где принятие, а где неприятие. Но над «полным принятием» никто никогда глубоко не размышлял — почему акцент на слове «полное»? Этот акцент — способ подавления, бессознательный способ подавления. И, тем не менее, подобные определения существуют повсюду: полное воздержание, полное безбрачие, полное согласие. Я ненавижу слово «полный», «тотальный»! Взгляните на свою обычную жизнь... Разве вы говорите женщине: «Я люблю тебя полностью»? Просто «люблю» — этого более чем достаточно. Когда вы утверждаете: «Я люблю тебя полностью», — это вызывает сомнение. За красивым словом «полнота» вы пытаетесь что-то спрятать.

Принятие красиво, а «полное принятие» — нет. Принятие возникает из вашего собственного понимания, а не из

писаний, изучений и слов так называемых мастеров, которыми полон мир. Это ваше собственное понимание. На самом деле, когда это — *ваше* понимание, то даже слово «принятие» становится бессмысленным.

Этот момент — эта тишина, эти птицы, эти лучи солнца, освещающего вас, — возникает ли вопрос о принятии? Это просто случается. Это не теоретическая тренировка ума. Вы не сидите здесь, принуждая себя к соблюдению каких-то предписаний. Вы сидите здесь в безбрежной тишине, без всяких усилий. Она так прекрасна, что любое усилие разрушит ее...

Позвольте мне объяснить это по-другому.

Когда вы любите, разве вы прикладываете усилия? Когда сочувствуете, разве вы прикладываете усилия? Разве вы живете, дышите, прикладывая усилия? Совершаете ли вы какое-то усилие для того, чтобы ваше сердце билось?

Точно так же и вся жизнь является спонтанным потоком. Ваша чувствительность, ваша ясность решают, в каком направлении двигаться. Но в этом нет усилия, потому что усилие подразумевает, что вы разделены: одна часть пытается двигаться в одном направлении, другая — в другом... И тогда возникает усилие. Только шизофреническое общество живет посредством усилий.

В моей жизни нет никаких усилий. И я не могу себе представить, чтобы человек усилия смог когда-нибудь обрести гармонию с существованием. С кем вы боретесь? Усилие — это борьба.

Я не даю вам никаких правил, никаких установок. Я не хочу, чтобы вы были кем-то еще, кроме как самими собой. Ваш путь является самым прекрасным. В тот день, когда вы это поймете...

Деревья не совершают никаких усилий. Маленькие кусты невероятно счастливы быть маленькими. Громадные

ливанские кедры совершенно счастливы оттого, что высоки; они не сравнивают; они не думают, будто небольшие кусты хуже их, — они естественны, они такие, какие есть. В этой расслабленности — неумовимо, молчаливо, беззвучно возникает принятие.

Но мне не нравится это слово, потому что «принятие» означает, что какая-то часть внутри вас не принимает — пусть, возможно, это и меньшая часть. И чтобы подавить ее, вы говорите «полное принятие».

Около двадцати лет назад ко мне пришел молодой человек и сказал: «Я хочу полностью сдаться тебе». Я ответил: «Тогда ты постучал не в ту дверь — возвращайся назад. Когда у тебя не будет мыслей ни о каком „полностью“ и когда не будет мыслей ни о какой „сдаче“, тогда мои двери будут для тебя открыты. Я буду рад тебе такому, какой ты есть, — не буду лепить из тебя какой-то идеал, обрезая все лишнее». Но эти так называемые религии по всему миру делают одно и то же. Они требуют от вас: «Не будьте самими собой, будьте кем-то еще».

Буквально на днях я разговаривал с одним саньясином и сказал ему: «Вот, должно быть, последние слова твоего пути, твоего поиска истины...» Он пишет книгу, которая называется «Годы подготовки», и это название несет в себе опасный смысл: оно подразумевает, что вы стремитесь достичь чего-то, стать кем-то. Существует какой-то идеал — вы хотите быть Гаутамой Буддой, Бодхидхармой, Чжуан-цзы, Иисусом Христом. Образ может быть не четким, но существует какая-то далекая звезда, к которой вы стремитесь. Я сказал ему: «Это мои слова, их нужно взять в кавычки как цитату: „Все эти годы подготовки были бессмысленными. Ты остался точно таким же, каким был всегда“».

Но существуют различные типы людей... такие как я — очень ленивы. Я знаю, что вот это кресло, в котором я

сiju, — это мое место, и я не бегаю вокруг него, чтобы только потом подойти и сесть. «Годы подготовки» — чтобы достичь чего-то, чем вы всегда были? Но вы не можете достичь чего-то, кроме того, чем вы были всегда.

Этот саньясин сказал мне — у него прекрасное сердце, очень наивное и очень любящее: «Я избавился от иллюзорных привязанностей к деньгам, к власти, к любви, к отношениям...»

Я сказал: «Тебе нужно избавиться еще от одной иллюзии».

Он посмотрел на меня: «От чего еще? От чего нужно избавиться?»

Я сказал ему: «Последняя иллюзия, которая должна быть разрушена, — это стремление стать кем-то. Ты *есть* это. Теперь пойми, что весь твой жизненный путь был бесполезным упражнением. Ты находился в одном и том же месте и лишь грезил о подготовке. И если эти годы подготовки не привели тебя к краху данной иллюзии, они прошли впустую».

Каждый пришедший в этот мир ищет что-то и стремится к чему-то; до определенной степени это нормально. Но поиск заканчивается, когда вы понимаете: «О Боже, я являюсь тем, что я искал!» Поэтому человеку, который в конце концов приходит к такому выводу, название книги этого саньясина покажется очень странным. Годы подготовки к чему? К тому, чтобы узнать, что не было необходимости ни в какой подготовке?

В Китае во времена Лао-цзы и Чжуан-цзы существовала удивительно красивая колода карт. В ней было десять карт, изображающих духовный путь, путь поиска. Эти карты назывались «Десять Быков Дзен». На первой из них быка нет — он потерялся. Его хозяин находится в густом лесу, осматривается по сторонам и не может увидеть своего пропавшего быка.

На второй карте он находит следы быка; теперь у него есть какая-то зацепка. На третьей карте хозяин видит быка — не

полностью, а лишь его хвост, возле огромного дерева. Теперь все становится яснее. На четвертой карте он видит половину туловища быка. На пятой карте он видит быка полностью во всей красе. На шестой карте хозяин держит быка за рога. На седьмой карте он едет домой верхом на быке. На восьмой карте быка загоняют на место, а на девятой карте хозяин быка сидит возле дома и играет на флейте.

Когда эти десять карт попали в Японию, последняя карта была удалена. Японцы признали только девять карт. А что же было на десятой карте? Вы пришли домой, вы играете на флейте, и все замечательно. То, что было потеряно, теперь нашлось...

Но когда я взглянул на десятую карту, то сказал: «Эти люди застряли на девятой карте. Десятая — самая важная». Но она шла вразрез с японским идеологическим, религиозным, моральным воспитанием. На десятой карте хозяин быка идет на базарную площадь с бутылкой вина. Теперь будда на самом деле вернулся домой...

Пока будда не станет совершенно обычным, это все еще игра эго. Быть таким же простым, как деревья, как птицы, как животные, как горы, — никакой гордости по поводу какой-то духовности; потому что даже гордость по поводу своей духовности — это не что иное, как очень тонкая игра эго.

Мне больно говорить, что Гаутама Будда заявлял: «Я единственный просветленный во всей истории человечества. Мое место никогда не будет занято» — это девятая карта. Такая же ситуация имела место с Кришнамурти; он так и не смог выйти за пределы девятой карты. Он не смог стать тем, кем он все время был.

Ум очень коварен. Он стремится стать «самым-самым» во всем — самым богатым, самым влиятельным... Он должен находиться на вершине. Вы удивитесь, если обнаружите Будду в пивной, но это — подходящее место. Он

пришел домой, он признал свою естественность и непосредственность.

Не спрашивайте о «полном принятии» — лучше спросите о большей ясности, большей непосредственности, большей естественности, а принятие придет, словно тень, следом. Вам не нужно беспокоиться об этом.

Пэдди — рядового британской армии времен второй мировой войны — вызывает в штаб генерал и говорит: «Рядовой Пэдди, вас выбрали для очень важной миссии. Вас сбросят ночью на парашюте за вражеской линией фронта, где вас будет ждать джип. Водитель сообщит вам дальнейшие инструкции».

И вот ночью Пэдди летит в самолете. Когда самолет приближается к линии фронта врага, Пэдди спрашивает у офицера: «Сэр, что я должен делать? Я никогда не прыгал с парашютом».

«Не беспокойся, — отвечает офицер. — Все, что нужно сделать, — это прыгнуть. Затем через три секунды ты посмотришь вверх и увидишь, что твой парашют раскрылся. Если этого не произойдет, то надо просто потянуть за аварийный шнур, и откроется запасной парашют. Когда ты приземлишься, тебя будет ждать джип».

«Хорошо», — говорит Пэдди и прыгает. Через три секунды он смотрит вверх, но ничего не видит. Тогда он держит аварийный шнур... и опять ничего не происходит! «О Боже, — восклицает Пэдди, стремительно приближаясь к земле. — Бьюсь об заклад, что и этого чертова джипа тоже не окажется на месте!»

По существу, жизнь — это безграничное принятие, которое не основано на вашем знании. Вы полностью приняли свои глаза? Вы полностью приняли свое тело? Вы полностью приняли положение дел в своей жизни? Эта

навязанная вам идея о полном принятии делает вас несчастным, из-за нее вы все время сравниваете. У кого-то более красивые глаза, а у кого-то более сильное тело. Кто-то умнее вас... И вы постоянно чувствуете себя несовершенными, и это несовершенство гложет вас. Вы становитесь все более и более несчастными, а причина в том, что вы без надобности придумали это сравнение. Нет необходимости сравнивать, потому что нет никого, с кем вас можно сравнить.

Вы — уникальная личность. И кем бы вы ни были, вы являетесь тем, кем вас хочет видеть существование. Наслаждайтесь этим.

Замените слово «принятие», потому что оно несет в себе не очень хороший смысл. Принятие — это что-то, что вам необходимо сделать. Существуют более красивые люди, существуют более богатые люди, существуют более сильные люди... Что делать? — Принять.

Я не учу вас такому принятию. Моя идея о принятии полностью отличается от всех религий.

Я провозглашаю вашу уникальность.

Вы просто являетесь собой, и нет, не было и не будет ни одного человека, который в точности был бы вам подобен.

Существование наделяет вас уникальной индивидуальностью — радуйтесь этому. И из этой радости возникнет принятие, об этом не нужно беспокоиться. Я никогда не считал, что должен кем-то стать. Если существование предпочтет, чтобы я был никем, я буду очень счастлив.

В детстве учителя мне говорили: «Ты закончишь тем, что станешь никем». И они были правы! Все закончилось тем, что я стал никем. Но я безмерно счастлив, а все эти учителя, которые пытались быть кем-то, — все они несчастны.

Иногда я приезжал в свою деревню и спрашивал, как у них дела... «потому что, являясь никем, я чувствую себя так хорошо, а вы все время выглядите несчастными».

Когда вы начинаете радоваться себе такому, какой вы есть, жизнь обретает такие невероятные краски, каждое мгновение становится таким ярким... жизнь превращается в праздник.

Отбросьте все эти идеи о полном принятии. Почему вы должны принимать? Мысль о том, что «я принимаю себя», — угнетает. Радуйтесь! Танцуйте! Пойте! Позвольте всему миру узнать о том, что вы единственный и неповторимый и никто не может заменить вас. Для меня это и есть путь подлинного поиска себя. Нет сравнения — оно не нужно.

Возможно, вы будете удивлены, когда узнаете, что даже все так называемые великие люди, известные в истории, страдали комплексом неполноценности. Наполеон Бонапарт был небольшого роста, всего пять с половиной футов. И это мучило его всю жизнь. Гвардейцы из охраны превосходили его ростом. Однажды он вешал картину в своей спальне, но не мог дотянуться до гвоздя. Охранник сказал ему: «Подождите, я выше, я помогу». Наполеон очень разозлился: Ты не выше, ты длиннее!»

А в чем разница? Разница в том, что слово «выше» больно ранит; оно означает, что ты ниже, хуже. Если сказать «длиннее» — то это намного уменьшает боль.

Но я всегда удивлялся: у меня рост в точности пять с половиной футов, и я никогда не чувствовал никакого несовершенства. Ваш рост может быть семь футов — но это не значит, что мои ноги не достают до земли. А что касается неба, ни вы, ни я не можем дотянуться до него! Поэтому единственное, что важно: если ваши ноги достают до земли, значит, все отлично.

Но комплексы были не только у Наполеона... Авраам Линкольн был некрасив; более того, он заикался и очень стеснялся этого, потому что кандидат в президенты, который заикается и не обладает красивой внешностью, в

Америке почти не имеет шансов. Одна девочка посоветовала ему: «Дядя, если вы отрастите небольшую бороду, ваше лицо будет более привлекательным». Следуя совету этой девочки, он отрастил бороду. Авраам Линкольн не имел успеха, успех имела борода! Но всю свою жизнь он беспокоился и не знал, что делать с заиканием. Он чувствовал себя несовершенным по сравнению с обычными людьми.

Вы обнаружите, — и это будет величайшим психологическим открытием, — что все политики рождаются из комплекса неполноценности. Из-за того, что неполноценность — это рана, эти люди хотят доказать миру, что они не хуже: «Я президент, я премьер-министр». Человек, который счастлив сам по себе, в последнюю очередь присоединится к числу грязных политиков...

В тот день, когда человечество начнет радоваться самому себе, политики исчезнут, исчезнут религии, исчезнут святые, исчезнут так называемые моралисты. Это скверные люди, которые пытаются скрыть свою неполноценность, стремясь стать кем-то, или, по меньшей мере, притвориться кем-то. Все они лицемеры. А мир без святых, без политиков, без священников, без так называемых ученых людей станет таким безмятежным! Таким безмятежным, как наполненный цветами сад, таким безмятежным, как это утро. Не нужны никакие войны, не нужны никакие нации. Не нужно притворяться, что ты выше кого-то; не нужно страдать от боли, вызываемой чувством неполноценности.

Все мои усилия направлены на то, чтобы сделать каждого человека подлинным — таким, каким его задумала природа; и все проблемы человечества исчезнут. Нет другого способа; все эти проблемы порождены шизофрениками, невротиками, психопатами — разного рода безумцами, которые притворяются самыми богатыми, самыми влиятельными.

